

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Конституционный вопрос

Мы знаем, что слова передают смыслы, в том числе и дурные. Мы знаем, что слова, скажем, приказа, могут передать такие смыслы, которые побудят людей причинить вред другим людям – в том числе лишить их жизни. Но даже если в начале цепочки действий были произнесены некие слова, а в ее конце произошло лишение людей жизни, то называть сами слова причиной смерти мы, если и будем, то, подразумевая, что они передали волю отдавшего приказ. Суд станет разбираться относительно его вины и того, кто приказ исполнил. Вины на слова суд скорее всего возлагать не будет, причиной гибели людей их не сочтет.

Впрочем, бывают случаи, когда слово ранит, а то и убивает (как писал поэт, «строчки с кровью – убивают, нахлынут горлом и убьют!»), но все же убийственная, и вообще вредоносная, сила

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

заклучена не в самих словах, а в том событии, которое происходит, когда заключенный в них смысл опознан и принят адресатом.

Эти рассуждения нужны, чтобы отделить восприятие подобной «работы слова» от того понимания, которое существовало и существует во многих культурах, табуирующее те или иные слова, имена. Оснований для этих табу может быть много, они разные, но во всех случаях присутствует убеждение, что само произнесение или написание запрещенного слова способно вызвать или непременно вызывает дурные последствия.

И, как бы мы ни смотрели скептически на такие убеждения, на веру в наведение или снятие порчи словом и тому подобные практики, нельзя, например, не заметить, насколько нам становится не по себе, когда мы слышим мат от шестилетней девочки в садике или от компании тинэйджеров в автобусе. Русский мат вышел из своей ниши – и до того весьма просторной, – утратив значение многих понятий, но пока сохранив ту терпкость, которую рождает во рту нарочитое и безнаказанное нарушение речевой нормы. Часть ли это сексуальной революции, обретенной ли народом свободы, или это одно из проявлений падения нравов, наступающего господства хамов, кризиса культуры – невозможно сказать. Но что означают в женских и детских устах глагольные конструкции, предполагающие действия, которые могут быть произведены только половозрелой мужской особью? Только нарушение былого запрета, табу.

Допустим, у кого-то из нас осталось желание сохранить речевые табу, связанные с матом. Значит, мы верим в магию слов? Значит, мы за цензуру как средство защиты от нецензурных слов? Правда,

мы не можем сказать, кому и какой вред могут принести матерные слова, будучи произнесенными или написанными на заборе. Или: почему от этого вреда избавляет замена части слов звездочками на письме или пиканьем при звучании.

Сказанное выше задает контекст для результатов исследований «Левада-центра»¹ о цензуре. Нам не привыкать обнаруживать себя в последние годы в меньшинстве, когда речь идет о политических материях. Но политика теперь простирается очень широко. Как в пришлопамятные сталинские времена в опалу (пока без фатальных последствий) начали попадать не только политики и начальники, но и деятели искусства. В опалу попадают за слова.

Первая волна репрессий пришла на начало СВО. Представление о силе некоторых слов было столь сильным, что в тюрьму попадали за произнесение или написание запретного слова, его антонима или даже за его произнесение, но подразумевание. Можно только удивляться убежденности некоторых людей, что действиям сотен тысяч вооруженных людей может помешать подросток с плакатом, на котором написал «Нет» и запретное слово.

Что же думают о цензуре люди, живущие России? В январе 2024 года россиянам задавался соответствующий вопрос, с которым мы обращаемся уже более двадцати лет. Перед ним в анкете обсуждался нашумевший фильм про пацанов (на момент опроса его посмотрела почти половина молодых, но менее 5% пожилых), и треть опрошенных высказалась против показа таких сериалов, а почти 40% сказали, что запрещать подобные фильмы нельзя. И далее следовал вопрос о цензуре с такими вариантами ответов: «Любая цензура не-

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

допустима. Человек должен сам решать, что ему читать и смотреть», «Государство должно запрещать книги и фильмы, которые оскорбляют нравственность», «Книги и фильмы сомнительного содержания нужно не запрещать, а ограничить их распространение».

Если бы все респонденты разделяли пункт 5 статьи 29 Основного закона («цензура запрещается»), то они выбрали бы вариант «Любая цензура недопустима». Но в действительности таковых оказалось 32% взрослого населения страны. В отчете по исследованию отмечается:

«С 2015 года увеличивается доля сторонников мнения, что любая цензура недопустима (на 15 процентных пунктов), и снижается доля тех, кто считает, что государство должно запрещать книги и фильмы, оскорбляющие нравственность (на 14 процентных пунктов). Сейчас, говоря о допустимости цензуры в области искусства, опрошенные разделились на три равные доли: 32% считают, что цензура недопустима, 30% – что государство должно запрещать книги и фильмы, оскорбляющие нравственность, и 33% – что нужно не запрещать, а ограничивать их распространение.

Мнение о недопустимости любой цензуры чаще всего звучало среди молодежи (18–24 года) – 43% – и среди респондентов с средним уровнем образования – 42%. Мнение о том, что государство должно запрещать книги и фильмы, оскорбляющие нравственность, поддерживают более старшие опрошенные (55 лет и старше) – 39%»².

Интересно, что с 2002-го по 2015 год число сторонников позиции о недопустимости цензуры демонстрировало отрицательную динамику, сократившись с четверти населения до одной шестой. Господствовала позиция «запрещать». Здесь следует обратить внимание на то, что, если судить по результатам фокус-групп и интервью, основная масса на-

селения имеет в виду ту цензуру, которая оградит их и их детей от сцен насилия и порнографии (а теперь еще и от всего, что связано с отношениями полов, особенно одинаковых). И только меньшинство имеет в виду именно цензуру *политическую*, которую, вероятно, и подразумевал законодатель, вводя упомянутую норму в Конституцию.

Сегодня доля поддерживающих конституционный запрет цензуры выросла почти до трети опрошенных, но остальные проявляют озабоченность возможным нарушением нравственности и хотят, чтобы их от этого оградили. Сделать это, по их мнению, должна цензура и иные ограничивающие инстанции. Наивысшую озабоченность проявляют респонденты старше 55 лет, среди них меньше всего сторонников запрета цензуры (28%), тогда как среди молодых людей, напротив, таковых большинство (43%). Мужчины чаще поддерживают запрет цензуры, нежели женщины; свободы от цензуры чаще требуют те, кто ориентирован на интернет как источник информации, чем те, кто ориентирован в этом смысле на телевидение.

То, как распределились мнения россиян, согласуется с их позициями по основным политическим вопросам, включая отношение к СВО. Тот факт, что мнения разделились на три почти равные доли, говорит о некоей неопределенности, к которой подошло российское общественное мнение. В нем есть сильный импульс к свободе мысли: доля считающих, что «человек должен сам решать, что ему читать и смотреть», практически удвоилась за последнее десятилетие. Но борьба со словами, сопровождающая битву с «коллективным Западом», многих насторожила. В медиа появились разговоры о самоцензуре – и это уже про нас.

2 Цит. по: www.levada.ru/2024/02/09/serial-slovo-patsana-i-mneniya-o-tsensure/.